

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВСКИЙ

ДАЛЁКИЕ ГОЛОСА

ДВА РАССКАЗА

ОЗЕРКО С СЕРЕБРЯНЫМ ДНОМ

Мы работали в горах Джугджура, окаймляющих с юго-востока необозримое Сибирское плоскогорье. Этот дикий горно-таежный край действительно можно считать краем земли: за ним дальше к востоку начинаются холодные морские просторы. В то лето мне часто приходили в голову слова народной песни:

— Я живу близ Охотского моря, где кончается Дальний Восток...

Ходить в маршруты и передвигаться с караваном вьючных оленей трудно: крутые горы, высокие перевалы. В глубоких ущельях — непроходимая тайга с густым подлеском из буйно разросшегося кедрового стланика. Торных троп, даже звериных, попадаетея мало. В сплошной чащобе из переплетающихся, как удавы, толстых стволов стланика, идя с караваном, нужно прорубать проходы — работа тяжелая, из-за чего за день удавалось пройти

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Александр Александрович родился в 1930 г. в Воронеже. После окончания географического факультета МГУ работал в Таджикистане, Приамурье, в Алданской и Колымской экспедициях Всероссийского аэрогеологического треста, участвовал в среднемасштабной геологической съемке (Южное Верхоянье, хребт Джугджур, Прикольмые, хребты Можский и Черского). Внес существенный вклад в изучение стратиграфии и тектоники названных районов. В 1972 г. начал работать в ЦНИГРИ. В 1991 г. А. А. Константиновский защитил докторскую диссертацию, посвящённую геолого-генетическим основам поисков месторождений алмазов и золота на территории бывшего СССР. Опубликовал более 70 научных работ. Автор книг прозы "Далёкие голоса", "Эти сверкающие снега". Живет в Москве, по-прежнему работает в ЦНИГРИ. Его имя хорошо известно специалистам в нашей стране и за рубежом.

не больше четырех-пяти километров. Как тихий кошмар вспоминаются эти дебри. В жару воздух там неподвижен, и голову дурманит тяжелый смешанный запах нагретой смолистой хвои и цветущего на мягких мхах густого багульника. В дождь и говорить нечего: с набрякших водой ветвей непрерывный холодный душ. В геологических маршрутах по долинам рек мы обходили такие заросли и прыгали по валунам вдоль берега ревущего потока — занятие рискованное, но другого пути не оставалось.

Высоко на хребтах и отрогах выше границы леса ходить в маршрут легче — там всегда гуляет вольный ветер, разгоняющий комарье и оводов. Как и в других горах, где в далеком прошлом было оледенение, на Джугджуре в верховьях горных речек сохраняются глубокие чашеобразные амфитеатры — так называемые цирки, откуда начинаются долинные ледники. Цирки ограничены крутыми скалистыми гребнями и остроконечными вершинами. Внутри амфитеатров — нагромождения моренных холмов и гряд с пятнами разноцветных мхов, лишайников и редкими кустами карликовой березки. Между холмов во впадинах притаились небольшие озера. В солнечную погоду они горят бирюзой или отливают нежной голубизной, оживляя серое каменное царство. В расщелинах скал и у их подножья до осени лежат снежники, сложенные плотным зернистым фирном. Возле вытекающих из-под них многочисленных ручьев талой воды ярко зеленеют лужайки с весенними первоцветами. Здесь все лето весна, не жарко, много корма, и потому сюда постоянно приходят снежные бараны и дикие северные олени. Когда заканчивается нерест красной рыбы в реках, на эти приветливые лужайки заглядывают и медведи полакомиться вкусными корешками. Именно в цирках я понял, что от дробовика мало толку, и стал носить карабин. Но сейчас речь не об охоте.

Однажды, уже к концу полевого сезона, под осень, собрались мы подняться в цирк, откуда берет начало ручей Унях. В скалистых обрывах я надеялся обнаружить руду молибдена. Дело в том, что еще на устье этого ручья при промывке русловых галечников мне попались крупные чешуйки серебристого, с голубоватым оттенком рудного минерала — молибденита. А когда двинулся вверх по течению, его количество в пробах стало быстро возрастать. После промывки деревянным лотком в тяжелом остатке — шлихе, молибденита набиралось с чайную ложку и больше — содержание ураганное. Минерал этот мягкий. Попав в горные ручьи, быстро истирается в пыль, не выдерживая далекой транспортировки. Поэтому становилось очевидным, что коренные источники — рудные жилы, находятся где-то рядом, по всей вероятности в истоках Унях.

Взяв несколько вьючных оленей, мы втроем с техником-геофизиком Михаилом Аникеевым и каюром-оленоводом за несколько часов достигли верхней границы леса. После изнурительного крутого подъема по тайге перед нами неожиданно открылась величественная картина ледникового цирка — гигантского каменистого амфитеатра, напоминающего своей правильной округлой формой какое-то древнейшее культовое сооружение. Казалось, в нем таилась некая загадка, невысказанный зашифрованный смысл. Темное озеро, застывшее на дне чаши цирка, находилось ниже нас. Вытекающий из него Унях глухо ревел на дне узкого каньона, прорезающего оглаженный льдом скалистый порог — ригель, на входе в цирк.

Вечерело. Солнце скрывалось за зубчатым скалистым гребнем. Надо было становиться на ночлег, и мы спустились на берег озера. Пока развьючивали оленей, ставили палатки и готовили ужин, наступила ночь. Нас окружал зачарованный мир: под звездным небом стояли горы, с одной стороны залитые лунным светом, с другой погруженные в черную тень. Одиноко горел наш небольшой костер — теплая живая искорка среди холодной вечной красоты гор.

Среди ночи нас разбудил поднявшийся сильный ветер — палатка захлопала брезентом. Погода менялась. На небе, недавно ясном, не видно было ни звезд, ни луны. Вскоре затарахтел дождь, сменявшийся мокрым снегом. Скаты палатки намокли и провисли под его тяжестью.

Наутро встали рано. Настроение было неважное — вокруг белым-бело, как зимой, горы спрятались в пелене густого тумана. Позавтракав, мы

отправились с Аникеевым в маршрут. Каюр, чертыхаясь, пошел искать оленьи, которые, судя по полузаметенным снегом следам, ушли вниз к старому лагерю, где много ягеля — их любимого осеннего корма.

Скользя на покрытых мокрым снегом каменных глыбах, мы стали подниматься к ближайшей из скалистых стен цирка. Глядя на крупную сутуловатую фигуру Михаила, я не переставал удивляться. Мы работали с ним вместе уже третий сезон. С одной стороны, этот опытный экспедиционный волк всего навиделся и был человеком сугубо практичным, искавшим всюду выгоду, нагловатым и циничным. С другой стороны, вопреки этим чертам, в нем сохранилось живое, даже романтическое начало, которое он, помоему, старался скрыть от окружающих. Он был очень любознателен и умел зорко наблюдать — качества, важные в нашем, да и в любом другом деле. Поиски рудных месторождений особенно его увлекали. Вот и сейчас он добровольно вызвался идти со мной, оставив базовый лагерь, куда мы только что вернулись на отдых из тяжелой многодневки, и пренебрег предстоящей баней, постирушкой и любимой рыбалкой.

Немного не дойдя до скал, он достал из рюкзака лоток и хотел было начать промывать шлихи в мелких ручьях, как вдруг нарушил угрюмое молчание веселым возгласом. Я подошел и увидел, что он носком сапога ковыряет каменистый грунт на склоне моренного холма. Суглинок вперемежку со щебнем и валунами оказался битком набитым крупными чешуйками молибденита! Мы кинулись на соседние холмы, и всюду в морене светились и весело нам подмигивали обильные блестки молибденита, как если бы это была простая слюда.

Нас охватило предчувствие удачи... Стало очевидно, что месторождение рядом. Нечасто приходится испытывать такое геологам-поисковикам. Мы не были друзьями с Аникеевым, но тут скрытая неприязнь была забыта: как мальчишки стали с хохотом пихать друг друга и обниматься.

— А ты, Саня, фартовый, вот уж не думал! Хоть под конец сезона повезло. Сейчас мы с тобой все опробуем, образцов наберем, чтоб было что на базовом лагере показать! Надо это дело перекурить... — и он задымил сигаркой, сощурившись на мрачный, затянутый туманом снежный пейзаж.

Подойдя затем к гранитным скалам, мы сразу увидели долгожданные рудные жилы. Крупные чешуи молибденита образовали в белом кварце сростки в виде выпуклых розеток поперечником два-три сантиметра. Ими были густо усыпаны стенки больших вертикальных трещин в гранитах. Зрелище феерическое — серебряные скалы, уходящие ввысь и скрывающиеся в низко висящих плотных облаках.

Сделав необходимые записи в полевом дневнике, прослушав породы радиометром и наколов образцов и проб, двинулись с тяжеленными рюкзаками к лагерю — благо было недалеко.

Возвращались весело — своя ноша не тянет! Шли по циклотку в мокром снегу вдоль ручья. Он привел нас к маленькому проточному озерку, расположенному между моренными холмами и служившему природным отстойником песка и мелких камней, которые нес ручей. Мне пришло в голову, что здесь должен был оседать и накапливаться тяжелый молибденит. Я поделился этим соображением с Мишкой. Но, как всегда в случаях, когда инициатива исходила не от него, он процедил сквозь зубы что-то скептическое.

Не вступая в спор, я вошел в воду. Озерко мелкое, можно перейти в ботлотных сапогах. Поднятая ногами волна смыла тонкий налет ила, и из-под него, как в сказке, засверкало серебряное дно. Сразу вспомнилась геологическая песня о сибирской реке Витим и его втором — золотом дне. Дно нашего озера сплошным слоем покрывал чешуйчатый молибденит. Его можно было собирать пригоршнями...

Аникеев придиричиво долго разглядывал на ладони блестящий концентрат и многозначительно молчал. Потом мы встретились глазами, и он расхохотался.

— Эх, Саня, а жалко, что здесь молибденит. Ведь вместо него свободно могло быть золото! — и тут же, посмеиваясь, заметил: — Ладно, чего там, не зря говорят — жадность фраера губит. И так подфартило, всю жизнь

помнить буду. Герои мы с тобой! — и он наполнил горстями небольшой пробный мешочек.

— Для тех, кто не поверит!

У нас не было фотоаппарата, да и погода не годилась для съемок. Так и осталась фантастическая картина только в нашей памяти: блестящее, словно серебряное сказочное дно озера среди хаоса каменных развалов на дне древнего ледникового цирка.

ГОРГОЧЁН

В свою первую дальнюю экспедицию я попал, когда начинал учиться в университете. Помню, что еще в поезде Москва—Владивосток наслаждался звучанием таких слов, как Сибирь и Забайкалье, куда мне предстояло прибыть. Воображению рисовались хрестоматийные образы вековых кедровых лесов, добротных сибирских изб из бревен чуть ли не полуметровой толщины, суровых охотников — косая сажень в плечах, с бородами лопатой, которые бьют белку в глаз и ходят один на один на медведя.

Однако вместо ожидаемого бодрящего холодка, присущего, как я считал, Сибири, Забайкалье встретило страшной жарой. От станции Могоча (“Бог создал Сочи, а чёрт — Могочу”, как говорят здесь) в кузове попутной грузовой машины я тряся на ухабах и глотал густую пыль, пока не приехал на золотой рудник Ключи, где располагалась база экспедиции. Дома на руднике тоже разочаровали — в большинстве своем убогие временки, часто прозаично обитые толем. По ухабистым пыльным улочкам с шумом то и дело проезжали самосвалы с рудой. Чтобы пропустить их, приходилось спускаться в грязные кюветы либо жаться к насквозь пропыленным заборам. Лес на окрестных сопках издали был похож на облезлую шкуру — наполовину вырубленный, с пеньками на свежих делянках и густой порослью молодых зеленых лиственниц на старых. Закралась мысль: стоило ли ехать за романтикой через всю страну, чтобы попасть в такое место?

Прошли годы скитаний в экспедициях, прежде чем я понял, что настоящие добротные дома в Восточной Сибири бывают лишь в селах и деревнях, где люди живут исстари и оседло. На рудниках же и приисках народ временный и живет по принципу: сегодня здесь — завтра там. Поэтому везде одна и та же унылая картина: кривобокие халупы, горы пустых консервных банок и бутылок на помойках, сведенный на окрестных сопках лес, следы былых лагерей — полуразрушенные бараки, вышки, колючая проволока.

База экспедиции располагалась в бывшем БУРе — бараке усиленного режима на краю поселка. Меня представили начальнику отряда, с которым предстояло работать, — крепко сложенному молодому человеку, уже показавшему себя дельным специалистом, но с большим горором, как доверительно охарактеризовала его перед нашей встречей Мария Борисовна Бородаевская — главный геолог. Слово “большим” она произнесла вразтяжку, выразительно посмотрев мне в глаза.

Володя был хмур и озабочен. Он сразу поручил мне какое-то дело и ушел на конный двор рудника. К вечеру появился с местным сухощавым старичком, нанятым в качестве проводника и конюха. Несколько дней спустя, заседлав и завьючив двух арендованных коней, мы втроем ушли в многодневный поход, сопровождаемые Цезарем — крупной черно-белой лайкой нашего проводника.

По старинным глубоко пробитым конным тропам пересекли с попутными маршрутами отроги Собачинского хребта (это самобытное название на картах впоследствии зачем-то было заменено на Шилкинский) и достигли реки Черной, левого притока Шилки. Черная пересекает Собачинский хребет узким скалистым каньоном, и маршрут по нему являлся основной целью нашего похода. В береговых обрывах мой начальник рассчитывал выявить особенности геологической структуры, до этого времени никем толком не изученной, а главное, обнаружить продолжение золотоносной зоны, которая, по его предположению, должна была протягиваться сюда от рудника Ключи.

Старичка-проводника звали Ипполит Тимофеевич. Он хорошо знал тропы на отрезке от Ключей до станции Сбега, но вниз по Черной никогда не ходил и честно в этом признался, когда мы остановились лагерем на ее берегу. В крупном лиственничном лесу на широкой речной террасе стояла избушка-зимовье (местные произносят это слово с ударением на последнем слове). Мы заглянули в нее, думая провести там пару ночей и не ставить палатку. Но в жаркую летнюю пору там было неудобно: сыро, темно как в гробу, на низких широких нарах какое-то рваньё, подслеповатое оконце. Урочище, где находилась избушка, называлось Джелинда. Дальше вниз с лошадьми двигаться нельзя — река уходила в скалистый каньон. Тропа, судя по карте, подымалась на отроги хребта в обход ущелья. Поэтому начальник решил продолжить отсюда маршрут на плоту.

Мы стали лагерем рядом с избушкой. На следующий день втроем с Ипполитом Тимофеевичем, к которому Володя покровительственно, работая под человека из народа, стал обращаться на ты, собрались заготовить бревна для небольшого плота. Вокруг зимовья, естественно, не оказалось ни одного пригодного для нашей цели сухого дерева — их давно вырубил на дрова. Более того, рядом с избушкой стояло несколько еще зеленых лиственниц, с которых внизу была снята кора — о дровах здесь заботились заранее. Почему все это не предвидел Ипполит Тимофеевич, местный житель и вроде бы охотник, мне и теперь, по прошествии многих лет, неясно. Ведь о предстоящей постройке плота он знал заранее. Володя, несмотря на самоуверенность, был тогда неопытен и потому не ожидал такой трудности. Как бы то ни было, но перемещать лагерь на новое место, где в тайге много сухостоя вблизи реки, старшие товарищи не захотели.

Пришлось уйти за полкилометра на склон сопки в поисках сушин — и все зря. Тогда Володя с Ипполитом решили строить плот из сырых лиственничных бревен. С помощью одного из коней — рыжего покорного Орлика, волоком стали подтаскивать тяжеленные бревна к воде. Потом на мелководье у берега попарно вязали их кольцами из разогретых над костром и закрученных толстых прутьев тальника, закрепляя деревянными клиньями. Плот из шести бревен был готов. Однако нас ожидало горькое разочарование: после того как мы для пробы влезли на него, он сразу утонул и лег на мелкое дно. Всем, включая Ипполита Тимофеевича, стало ясно, что из сырых лиственниц плот делать не годится.

Пришлось начинать все сызнова. На сей раз лошади таскали к реке тоже сырые, но сосновые бревна. На настиле из жердей посередине нового плота были прочно привязаны два выючных чемодана, покрытых брезентом. Все было готово к отплытию. Но перед этим мы совершили ещё одну глупость: по указанию Володи выкопали молодую картошку, цветущая ботва которой зеленела перед избушкой на пятачке среди щепок и старых поленьев. Нам казалось, что картошка взошла из выброшенных очисток и зря пропадет здесь, в безлодье. Каким стыдом это обернулось потом! Рано утром Ипполит Тимофеевич перешел с конями вброд Черную и скрылся в тайге. Он должен был, идя обходной тропой, снова выйти к реке километрах в пятнадцати ниже по течению, где заканчивался каньон, и там ждать нас.

Пришла пора трогаться и нам. Цезарь, неверная душа, не пошел за хозяином. Решив плыть с нами, он впрыгнул на выючники и улегся на брезенте. Я встал впереди с шестом, за мной поднялся Володя. Но плот и на этот раз оказался никудышным. Он еле выдерживал тяжести двоих, поочередно клонясь то на один, то на другой борт. Вода покрывала бревна. Цезарь озабоченно взглянув на нас, плюхнулся в реку, переплыл на ту сторону и убежал вдогонку за караваном. Володя мрачно слез с плота и пошел берегом. У начала каньона я причалил. Начальник стал осматривать обрывы, а меня послал к одинокой скале, видневшейся из-за верхушек деревьев в стороне от реки.

Когда я стучал молотком, отбивая образцы, меня кто-то окликнул. Я обернулся и увидел двоих знакомых мужчин с ружьями и котомками за плечами, обутых в кожаные бродни. Один из них, широкий в плечах, выглядел внушительно. Он поинтересовался, кто мы такие и чем занимаемся в тайге. Я объяснил. Они удивились:

— Вы что? На плоту отсюда спуститься хотите? Разобьет ваш плот. На лодке — и то место знать надо. Там узко и бьет крепко. А на плоту тут никто ишо не проходил.

Оба покачали головами и ушли в сторону покинутого нами зимовья. Я вернулся и рассказал о встрече. Но решение менять было поздно, да и не таков Володя.

Ветер, пока я ходил, переменялся и задул из ущелья, куда нам предстояло плыть. Оттуда стал слышен глухой, пугающий рев потока. Предложение осмотреть порог сверху, прежде чем соваться в него, Володя отверг. Предстояло для начала переплыть глубокий омут у входа в каньон. С обеих сторон он был ограничен высоченными отвесными стенами, уходящими в воду, так что попасть на косу, видневшуюся за омутом, можно либо обойдя скалы поверху, либо на плоту. Володя выбрал последнее. Когда мы осторожно залезли, плот немного погрузился, и мы оказались в воде по щиколотку.

Омут переплыли каким-то чудом, и небыстрое пока течение приткнуло плот к мрачной скале. Вода возле нее слегка забурунивалась и уходила струями в голубовато-зеленую глубину, мешая нам отлепиться от холодной и сырой каменной тверди. Плот опасно кренился то на одну, то на другую сторону, заставляя нас балансировать над казавшейся бездной ямой. Наконец удалось оттолкнуться, и убыстряющееся течение вынесло плот к голове косы, сложенной крупными валунами, что говорило об очень мощном потоке в большую воду. Володя перебрался на нее по каменным глыбам, высовывающимся из глубокой прозрачной воды.

Ниже по течению русло сужалось до сорока-пятидесяти метров, и река превращалась в грозно ревущий поток со стоячими высокими бурунами. Протяженность страшного отрезка не больше полукилометра. Мы попытались сплавлять плот вдоль косы, удерживая его на веревке, но ничего не получилось. Он беспрестанно застревал днищем на вступающих из воды валунах. За крайними камнями ему ничего не мешало, но там начиналась такая мощная струя, что удержать его на веревке мы бы не смогли. Промучившись какое-то время, я сквозь шум воды крикнул Володе, что спущусь по стремнине на плоту один — особой опасности вроде бы не видно. Но попросил, пока забираюсь на плот, посмотреть с берега — не видно ли скальных выступов в русле ниже места, где мы находились. На это Володя вскипел:

— Если ты такой осторожный, слезай к чертовой матери, я поплыву!

Кое-как сдержавшись, чтобы не ответить резкостью, я оттолкнулся шестом от крайних камней и ринулся в бешеный поток.

Дальше события развивались быстро. Плот понесло по бурунам, как с горы — уклон был виден на глаз, и на ходу временами разворачивало боком. Я погружал длинный шест, пытаюсь оттолкнуться от дна, но не доставал его — глубина не позволяла. Пришлось действовать шестом, как веслом, и мне удавалось выправлять положение плота. Стремительный, захватывающий спуск с прыжками на пенистых бурунах подходил к концу. Русло впереди резко расширялось, и начинался простор плеса. Стоя на бревнах почти по колено в ледяной воде среди беспорядочных высоких волн, я не чувствовал холода. Радость, что лихое дело успешно завершается, переполняла меня.

Однако ликовал я рано. Впереди прямо по курсу ревел особенно крупный бурун, занимавший всю середину русла. Вглядевшись сквозь водяную пыль, я заметил внутри широкой пенистой шапки выступавшую на полметра черную скалу. Попытки отгрести в сторону ничего не дали. В ожидании неминуемого столкновения я широко расставил ноги, слегка присел и крепко ухватился за выючники. В следующее мгновение плот торцами бревен врезался в скалу, и я чудом удержался на нем. От страшного удара кольца связки лопнули, и плот по осевой линии слегка разошелся на две половины. В этом нейтральном положении он замер и стал быстро погружаться. Я с ужасом понял это, когда ушел в воду сначала выше колен, затем по пояс. Накатывающийся сзади поток всей массой топил корму плота, и он намеревался вот-вот принять вертикальное положение, оказавшись прижатым плашмя под водой к скале, поскольку глубина позволяла.

В короткие отпущенные мне мгновения я все же ухитрился оттолкнуться шестом от каменного выступа и немного развернуть тонущий плот. Его тут же подхватил и понес поток дальше от проклятой скалы, которая сразу исчезла из поля зрения. Но крутящаяся винтом вода стала кренить плот и почти поставила его на бок. Я навалился животом на выступавший из волн другой борт, и некоторое время меня несло в таком положении. Потом плот под моей тяжестью все же шлепнулся на днище и стрелой вылетел на простор плеса. Где-то на его середине быстрое движение замедлилось. Я перевел дух и, весь мокрый, встал на дрожащие ноги. Вокруг еще плескались волны, но опасность миновала. Подгребая шестом, я причалил к охвостью косы, куда уже бежал с моей одностволкой за плечами начальник. Он что-то кричал и махал руками, но за шумом последнего буруна ничего не было слышно.

Сгущались сумерки, шел дождь. Надо было срочно ставить палатку, разводить костер, спасти промокший груз и сушиться.

Однако подбежавший Володя грубовато оттолкнул меня, выпрыгнул на плот и молча выгреб шестом на середину плеса, откуда я только что приплыл. Я остался на берегу в тяжелом недоумении. В конце плеса плот крепко посадило на подводный камень, и начальник, громко ругаясь, долго отталкивался шестом от глубокого дна. Затем плот с Володей скрылся за поворотом реки. Вдрызг мокрому, мне пришлось двинуться берегом в погоню. Облезая поверху скальные приторы, я добрался до устья пади с подходящим названием — Мокрая. Здесь меня поджидал на плоту начальник. Мы зачем-то переехали на другой берег и выгрузились в сыром пойменном лесу с высокой травой, из которой поднялась туча комаров. Хороших сухих дров здесь быть не могло, и мы, обессиленные, расстелили брезент на мокрой траве, завернулись в него и кое-как провели тяжелую ночь.

С утра игра в молчанку продолжалась. Свои действия накануне вечером Володя никак не объяснил. Мы поели всухомятку хлеба, и в ответ на мой голодный взгляд начальник сухо сообщил, что продуктов больше нет — он не рассчитывал, что нас так задержит порог в самом начале каньона. В последующие годы я услышал расхожую в Сибири поговорку: идешь в тайгу на день — харчей бери на неделю. Ее полезно было бы знать тогда Володе! Проплыв с километр от ночлега, Володя распорядился причалить. Начинаясь детальный осмотр береговых обнажений, ради которых мы сюда добирались.

К середине дня проглянуло солнце и немного обсушило нас. Поздно вечером заночевали с хорошим костром и просушили груз. Есть было нечего — вместо чая заварили голубику с брусничным листом. К вечеру следующего дня добрались до конца каньона. Володя повеселел, похлопал меня по плечу, сказал, что очень доволен результатами маршрута по каньону, и показал образцы породы с видимым золотом.

— Ладно, генацвале, не сердчай. Поголодать тоже полезно.

Долина Черной резко расширилась, по левому берегу потянулись пойменные дуга, на которых мирно стояли стога свежего сена. Опасности остались позади, и казалось, что все это приснилось.

Неприятности, однако, не кончились. Ипполита Тимофеевича с лошадьми и продуктами в условленном месте не оказалось. Не было даже следов ночевки. Тщетно обойдя округу, мы поняли, что придется голодать третий день. Володя снова погрузился в мрачное молчание.

Поставив наскоро палатку, мы переночевали и с утра разошлись в разные стороны. Володя отправился до хутора Оморой, расположенного в двадцати километрах ниже по Черной, рассчитывая найти там исчезнувшего Ипполита с лошадьми. Меня же он послал обратно в урочище Джелинду к зимовью с той же целью — проверить, не вернулся ли туда старикан, не найдя нас в условленном месте.

Идти пришлось под дождем. Искать тропу не хотелось, и я двинулся прямо через сопки, проклиная про себя все на свете. Помню, меня преследовал тяжелый запах багула — даурского рододендрона, через заросли которого я продирался на северных склонах — сиверах по-местному. Оторвавшись от реки, я сильно спрямил путь и ненастным вечером пришел к зимовью.

Оба моих давешних знакомых удивленно уставились на меня. Широкоплечий бородач пригласил в избушку, где топилась печка, накормил и оставил ночевать. Запомнилось, как сумерничали мы втроем за старым истертым столом из листовенных плах перед маленьким низким оконцем, как потрескивал огонь в печке, как, отпивая горячий чай из кружек, угощались полежавшей и потому более сладкой голубикой, насыпанной горкой на подоконнике.

— Что же за начальник у тебя? — спросил, выслушав мой рассказ, широкоплечий. — На тот свет короткую дорогу ищешь и тебя, салагу, за собой тянешь? В тайге одному нельзя. Один и есть один, — он сильно окал. — А ежели бы нас тут не встрел? Мог бы, паря, пропасть, раз в тайге впервой.

Я хорошо запомнил этого человека с короткой фамилией Елин. От него, недавнего фронтовика-разведчика, ходившего за “языками”, веяло спокойствием и здравым смыслом, которого так не хватало моему Володе. Добродушно разглядывая меня, Елин вдруг спросил, зачем мы выкопали картошку возле зимовья, на которую они рассчитывали. Меня бросило в жар — я только сейчас понял, что картошка выросла не сама по себе. В избушке было темновато, и хозяева не увидели, как я покраснел. Запинаясь, кое-как пытался объяснить, но они и так все поняли. А когда из разговора узнали, что проводником у нас Ипполит Тимофеевич, только понимающе переглянулись.

Наутро я сердечно распрощался с охотниками и просил их завернуть в Оморой нашего проводника, если он появится здесь с лошадьми. Меня вывели на тропу и дали на дорогу хлеба.

— Будь здоров, сынок. Всегда сперва думай, прежде чем делать. В тайге без этого пропадешь. Не бери пример со своего начальника.

Я быстро зашагал по тропе, потом оглянулся. Знакомцы мои на фоне крохотной избушки стояли и смотрели влед. Я помахал им на прощанье.

Уже ночью пришел я в Оморой и нашел там, к великой радости, и Володю, и Ипполита. Проводник, как выяснилось, просто растерялся, не найдя нас на выходе реки из каньона, и двинул дальше, к людям, решив наверное, что мы уже проплыли. К тому же хуторянин приходился ему дальним родственником.

Два дня мы отдыхали. Радужный хозяин истопил баню, а накануне нашего ухода угостил самогоном. За разговором в приятном застолье при свете керосиновой лампы мы узнали от него, что порог или, правильнее, шивера в каньоне Черной называется у местных охотников и рыбаков Горгочён — гиблое место, хотя в омутах выше и ниже него много тайменя.

— Вам надо бы ордена дать, — усмехнулся он. — Вы первые, кто на плоту без гребей, с одним шестом прошли Горгочён. Таких голов умных ишо не находилось. Там с лодками-то и то столь че-пе бывало... Ружей сколь потоплено. Штук десять, однако, лежат на дне того омута, что ниже твоего черного камня в русле. Не достать их — там глубина пятнадцать метров. Мой кум с другом прошлой осенью на энтот месте перевернулись, лодку об скалу, что посереде стремнины, разбили. Все, что везли — ружья, шмотки, мясо изюбря — все к едрене фене утопили!

Хозяин почти радовался грозному норову Горгочёна.

— Выскочили, понимаешь, вплавь, почитай босые. А уж холода настали. Так до хутора моёва еле добежали. Я на охоте был, все заперто. Они рванули до устья Черной, тама люди жили. Хорошо, недалеко оставалось. На Шилке парочка стоял как раз против устья. Скорей в кочегарку! А то бы карачун обоим.